
В. Л. ВОРОНИНА

ЧЕРТЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЖИЛИЩА СРЕДНЕЙ АЗИИ

При разработке вопросов среднеазиатской археологии этнографические данные помогают осмыслить и уяснить многие особенности археологического материала. Во многих случаях без привлечения этнографических параллелей назначение того или иного предмета остается загадочным. Будь то орудия труда или керамика, домашняя утварь или строительная техника — они почти всегда находят отголосок в быту и творчестве народов Средней Азии XIX—XX вв.

Очень полезны данные этнографии при изучении жилых построек раннего средневековья, многие особенности которых становятся понятными из сопоставления с современным народным типом жилища.

За последние годы многое сделано в области раннесредневековой археологии. Тем не менее жилище этого времени и условия жизни в нем не всегда получают в литературе объективную оценку. Вот, например, характеристика замков-кёшков Бухары и за ее пределами: «Они представляли собой мощные двухэтажные глинобитные и сырцовые сооружения с массивными стенами, тяжелыми сводами над сырными и тесными помещениями. Жизнь в таких крепостях была малокомфортабельна»¹.

По поводу этой характеристики можно возразить, во-первых, что, прилагая известный текст Наршахи о замках к территории бухарского шахрстана, Л. И. Ремпель и Г. А. Пугаченкова впадают в ошибку, которую совершали многие авторы до них — в этом случае речь идет, очевидно, о рабаде. Во-вторых, если применять понятие «комфорта» к жилищу той отдаленной поры, надо прежде всего установить определенный критерий. Оценка раннесредневекового «комфорта» будет различна в зависимости от того, подойти к нему с меркой народного жилища XIX—XX вв. или современных квартир, снабженных электричеством, газом и мусоропроводом. Во всяком случае, несмотря на массивные конструкции, раннесредневековые жилые постройки не были ни сырными, ни тесными.

Предлагаемая статья как раз и ставит целью насколько можно уточнить вопросы благоустройства жилища раннего средневековья, в основном VII—VIII вв.

В объеме краткой статьи мы не имеем возможности остановиться на общем описании жилища. Сведения о нем опубликованы в трудах Таджикской, Хорезмской и других экспедиций. Напомним лишь его основные черты. Постройки ставили из сырца и пахсы. План городского и усадебного жилища был компактным и помещения сбиты в плотный массив. Постройки были преимущественно двухэтажными, причем в

¹ Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель, «Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, 1960, стр. 58, 59.

первом этаже преобладали сводчатые покрытия на толстых стенах, во втором — более легкие надстройки с балочным потолком. Наверх вели пандусы и лестницы. Состав жилой секции был довольно разнообразен, в него входили жилые комнаты, кладовые, кухни, коридоры, айваны, парадный зал и молельни. В плане жилища уже было намечено деление на две половины, и в городских аристократических кварталах это деление проводилось очень четко. Здесь следует опровергнуть еще одно предвзятое мнение о том, что якобы деление среднеазиатского жилища на две половины вызвано догмами ислама². В действительности ислам лишь узаконил и обострил существовавшие задолго до него нормы: уже в домах античной Греции выделялся гинекей, а в дворцовых ансамблях древнего Востока жилые помещения всегда строго отграничены от официальных³.

Раскопки последних лет не только освещают планировку раннесредневекового жилища, но и углубляют представление о его благоустройстве — способах освещения, обогрева, предметах домашней обстановки. Объединяя эти сведения, можно в известной мере воссоздать картину бытовых условий той отдаленной поры.

Двери и запоры. Массивные стены первого этажа городских домов прорезаны только дверными проемами. Следы дверных косяков сохранились лишь при входе в дом и в парадные залы, где и навешивалось дверное полотно; в остальных проемах нет следов деревянных частей, кроме массивных порогов.

Местами привлекает внимание казалось бы чрезмерная высота входного порога. Очевидно, высокие пороги преследовали цель предотвратить распространение по полу холодного зимнего воздуха, особенно нежелательное при сидении на полу или низких лежанках. В некоторых жилых секциях древнего Пенджикента у входа был выделен тамбур с дощатой вымосткой пола.

В стенках внешних проемов построек древнего Пенджикента то справа, то слева от двери, видны кое-где отверстия. В одних случаях это сквозное коленчатое отверстие круглого сечения, тщательно обмазанное внутри глиной с саманом (рис. 1), в других — срезанный угол щековой стены. Назначение их нетрудно разгадать по аналогии с устройством старого таджикского жилища: они служили для деревянных замков.

Еще теперь в районах Таджикистана — по Пянджу и его притокам, в Зеравшанской долине, в Фергане — можно встретить старые дома, где сохранился архаический деревянный замок типа задвижки, применяемый для одностворчатой отворяемой внутрь двери⁴. Он вкладывается в паз дверного косяка через отверстие в щековой стене дверного проема. В раскопках Пенджикента и под Самаркандом найдены железные граб-

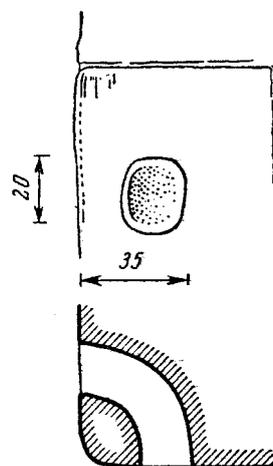

Рис. 1. Отверстие для замка у входа в жилую секцию древнего Пенджикента

² См., например, О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, «Труды Ин-та истории и археологии АН УзбССР», вып. 6, Ташкент, 1955, стр. 97.

³ Исторические корни затворничества женщин, как отмечает С. П. Толстов, уходят в эпоху матриархата, и бытовая изоляция полов характерна уже для первобытных народов, см. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 316.

⁴ См. В. Л. Воронина, Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана, «Сов. этнография», 1953, № 3, рис. 13.

леводные ключи, у которых (в противоположность современному типу) бородки расположены под прямым углом к ручке⁵. Кроме граблевидной, встречаются иные формы ключей, а следовательно, и замки употреблялись разных типов⁶. Но тип деревянного замка, подобного таджикским, имеет необычайно широкий ареал распространения и удерживается на протяжении многих столетий. Им пользуются в странах Востока и Запада, Азии и Африки столетия назад и в наши дни. Он обнаружен Стейном в руинах Восточного Туркестана⁷; но встречается и у народов африканского материка в XIX—XX вв.⁸

Деревянный замок представлял собой внешний запор двери. Изнутри дверь запиралась внушительным брусом, который одним концом удерживался в дверной скобе, а другим задвигался в стену, и отверстие от него сохранилось у входа жилых секций древнего Пенджикента (рис. 1).

Освещение и вентиляция. Одним из решающих условий благоустройства жилого помещения являются его освещение и вентиляция.

В постройках Пенджикента для освещения комнат, выходящих на айваны, поверх дверей оставлялись фрамуги. При этом в основной части арочного проема навешивалось дверное полотно, тогда как верхняя часть, т. е. собственно арка, использовалась для освещения.

Во внутренних комнатах высоко в торцовой стене прорезались окна, которые выходили на крышу или в световой колодец между стенами соседних помещений. Но такая возможность представлялась далеко не всегда. Узкие сводчатые помещения, сбитые в плотный массив и лишенные внешних проемов, освещались через отверстия в покрытии. Такое отверстие обнаружено раскопками хорезмской экспедиции в Топраккала в небольшой комнате дворца с сохранившимся сводом (рис. 2). Поскольку помещение находилось в первом этаже, для доступа к отверстию прямого дневного света стены комнат второго этажа раздвинуты, образуя световой колодец. Парадные залы дворца освещались через люк в деревянном покрытии, которое предположительно имело конструкцию памирских «чорхона»⁹.

Световые люки прикрывались от дождя и снега съёмной крышкой или же защищались фонарем (что очень вероятно для парадных залов). Может быть, закрывались от холода и фрамуги над входом. В IX—X вв., по-видимому, кое-где применялось остекление¹⁰. Лестничные клетки иногда освещались узкими оконцами типа бойниц.

В пригородном жилище древнего Пенджикента, в противоположность городскому, встречаются оконные проемы с невысоким подоконником, но без деревянных частей.

Вентиляция помещений осуществлялась через все виды световых отверстий, которые летом оставались открытыми. Остроумно осуществле-

⁵ А. М. Беленицкий, Железный ключ из Пенджикента, «Материалы и исследования по археологии СССР», (далее МИА), № 15, М.—Л., 1950; Г. В. Шнишкина, Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 214, рис. 11.

⁶ Б. Я. Ставиский, Медный ключ из Кулдор-тепе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXX, М., 1958.

⁷ A. Stein, Serindia, VIII, Oxford, 1921, стр. 1242, рис. 307.

⁸ См., например, E. W. Lane, Manners and customs of the modern Egyptians, London, 1860, стр. 19.

⁹ А. М. Беленицкий полагает, что в световой люк пенджикентских четырехстолпных залов были вставлены керамические кольца с рельефными маскаронами. См. А. М. Беленицкий, О раскопках городища древнего Пенджикента в 1956 г., Труды АН ТаджССР, т. 91, Сталинабад, 1959, стр. 93, 94.

¹⁰ В. Л. Вяткин, Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1928, стр. 17; Е. А. Давидович, Стекло из Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1949.

на вентиляция в сельской усадьбе под Самаркандом, где шелевидные пазы в стенах комнат обеспечивали циркуляцию прохладного воздуха летом, а зимой они же служили для распространения теплого воздуха из отопительных камер (см. ниже) ¹¹.

Все указанные виды осветительных проемов употребляются в среднеазиатской архитектуре вплоть до наших дней.

Световые люки в куполах и сводах широко практиковались в монументальной архитектуре Средней Азии последующих веков. Отверстия в зените купола характерны для памятников XI—XII вв. (ряд мавзолеев — в Серахсе, Меана и др., мечеть Деггарон, караван-сарай Дая-хатын); отверстиями снабжались своды худжр хивинских медресе (Ширгази-хана и др.). В сводчатых жилищах Ирана также устраиваются в шельге свода отверстия.

Примером верхнего освещения в жилищной архитектуре последнего времени являются «чор-хона» Памира и Припамирья: деревянная кровля квадратного помещения лежит на трех-четырех столбах, причем отверстие для освещения и выхода дыма находится в зените бревенчатого купола ¹². Этот вид покрытия с древности широко распространен в Закавказье и на зарубежном Востоке (Афганистан).

Из всех перечисленных видов осветительных проемов наиболее привились в строительстве световые фрамуги.

Окна среднеазиатского городского жилища последних столетий — это начинающиеся на уровне пола проемы со ставнями, в каждой жилой комнате их два-три. Ставни по форме похожи на двери и единственное различие тех и других заключается в том, что первые открываются наружу, вторые — внутрь помещения (поскольку они соответственно запираются изнутри и снаружи). У окон и у дверей сверху имеются зарешеченные фрамуги арочной и прямоугольной формы. В теплое время года ставни распахнуты, открывая широкий доступ свету и воздуху; зимой и в жару плотно прикрываются и дневной свет поступает лишь через верхние фрамуги, решетки которых заклеиваются бумагой. Таким же способом устроены проемы квартальных мечетей и худжр медресе. Эта распространенная форма проемов, как показали раскопки, известна с древности.

Очаги. Комнатные очаги в жилище Средней Азии VII—VIII вв. могут быть разбиты на три категории: напольные, пристенные и стеновые. Обычно они в той или иной мере приспособлены для кипячения воды и приготовления пищи.

В простейшем случае горячий уголь насыпался прямо на пол. Такой способ обогрева практиковался, например, в замке Мунчак-тепе близ Беговата и в древнем Хорезме ¹³. Напольные очаги представляют собой

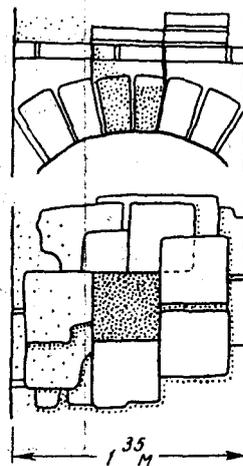

Рис. 2. Световой люк одного из помещений дворца Топрак-кала в Хорезме

¹¹ Г. В. Шишкина, Указ. раб., стр. 196 и сл.

¹² Отметим, что укоренившееся в литературе употребление для Средней Азии грузинского термина «дарабзи» неверно и не оправдано. См. Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 90; Л. И. Ремпель, Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 124, и др.

¹³ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 108.

специально приспособленные для угля площадки или, наоборот, углубления в полу комнаты. Они располагались предпочтительно посреди комнаты, окруженные суфой. Очаги-площадки выложены из сырца и обмазаны глиной. Иногда у площадок фигурные очертания. В помещениях VIII в. Ак-тепе близ Ташкента один очаг имел грушевидное очертание, другой был с одной стороны закруглен (рис. 3), оба они расположены по соседству с суфой, сохранили на поверхности немного золы

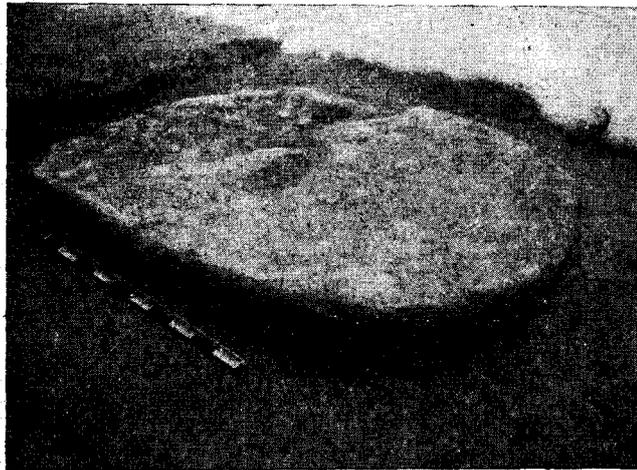

Рис. 3. Очаг-площадка Ак-тепе близ Ташкента

и слабо обожжены. Видимо, здесь не разводили костра. На одном конце площадки отмечено небольшой ямкой место, куда клали уголь, на остальной части площадки было удобно ставить посуду. Около такого очага можно было греться, сидя на суфе, согревать на нем пищу. Но встречаются и площадки с бортиком, где разводился костер и сохранилось много золы. В Хорезме очаги-площадки зарегистрированы начиная с VI—V вв. до н. э. (Кюзели-Гыр, Кой-Крылган-кала), в кушанских и афригидских постройках прямоугольный очаг-площадка занимает середину квадратных помещений жилого и парадного характера¹⁴. В одной из построек Кызыл-Кыр близ Варахши обнаружен прямоугольный очаг-площадка с бортиком (I в. до н. э.); на площадке найдены глиняные подставки для котла, которые говорят о способе использования такого рода открытых очагов¹⁵. На городище Кахкаха II в Шахристане имеется любопытный усовершенствованный вариант площадки в сочетании с очагом для варки пищи, очень похожим на современные «оташдон». Кольцевой очаг для котла располагался на краю прямоугольной площадки. Совершенно очевидно, что на площадку выгребался жар очага после варки пищи. На площадке найдено много черепков тонкостенной и хозяйственной посуды¹⁶.

¹⁴ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 141, 142; 143; Е. Е. Неразиков, Археологическое обследование городища Куля-Уаз в 1952 г., «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. II, М., 1958, стр. 376, 377, 381, 384, рис. 5, 6.

¹⁵ В. А. Нильсен, Кызыл-Кыр (результаты раскопок 1955 г.), «История материальной культуры Узбекистана», в. 1, 1959, стр. 67, 68.

¹⁶ Н. Н. Негматов, О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1957 г., «Труды АН ТаджССР», т. 103, Сталинабад, 1959, стр. 97, 98.

Очаги площадки несли не только бытовые, но и культовые функции. Такие очаги были в джанбаскалинском «доме огня» и предположительно культовом «Красном зале» Варахши. Первый из них овального очертания¹⁷, второй — прямоугольный с одной и закругленной — с противоположной стороны¹⁸. В. А. Шишкин предполагает, что на площадке ставился жертвенник того типа, какие изображаются в стеновых росписях.

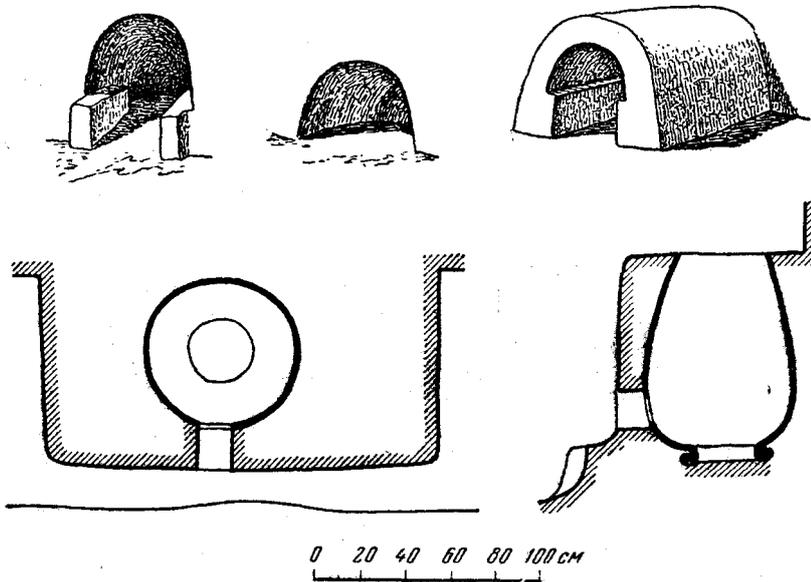

Рис. 4. Типы очагов на городище древнего Пенджикента (внизу тип танура)

С IX в. тип комнатных очагов Хорезма как будто меняется, — они, наоборот, принимают вид углубления, выложенного кирпичом или камнем¹⁹.

В некоторых жилых постройках древнего Пенджикента были пристенные очаги. Такой очаг устраивался из положенных поперечно к стене ребром или плашмя сырцовых кирпичей, покрытых сверху сводиком (рис. 4). Под сводиком высотой до полуметра было удобно кипятить на углях воду в кувшине.

Особый вид представляет комбинация обнесенной валиком жаровни с вмазанным в стену прямоугольным керамическим экраном, роль которого заключалась, по-видимому, в том, чтобы отражать жар угля в помещение (Пенджикент).

В замке городища Кахкаха II в Шахристане открыто кухонное помещение с очагом в виде прислоненной к стене жаровни 70—75 см в поперечнике и 14—16 см глубиной; по обе стороны ее располагались плоские вымостки с закругленными углами, отделенные от жаровни тонкими (9—10 см) загородками высотой 70 см, выступающими от стены на

¹⁷ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 97, рис. 33, 98.

¹⁸ В. А. Шишкин, Варахша, «Советская археология», XXIII, стр. 118, рис. 9.

¹⁹ Е. Е. Неразик, Указ. раб., стр. 394.

32 см. Над очагом стена выступает. На вымостке лежали обломки глиняной сковороды²⁰.

Простейший вид стеновых очагов представляют в Пенджикенте выдолбленные в основании пахсовых стен нишки на уровне пола или суфы (рис. 4). В них накопилось много золы и внутренняя поверхность докрасна обожжена. В таких, говоря условно, «каминах», довольно глубоких сравнительно с их небольшой высотой, вероятно, жгли хворост или наполняли их горячим углем; они давали тепло, позволяли кипятить воду и готовить пищу. Мы не находим чего-либо подобного этим каминам в материалах Хорезмской экспедиции. Но изящно очерченный и оконтуренный валиком стеновой камин обнаружен в жилом помещении большого храма на городище Ак-Бешим.

В связи с каминами пенджикентского типа хочется упомянуть о детали, которая нам кажется с ними связанной. В археологии Средней Азии широко известны так называемые «заслонки» — полуовальные, обожженные глиняные плиты, нередко украшенные орнаментом. Несмотря на общеизвестность этой категории памятников, их назначение остается невыясненным. Г. А. Пугаченкова в специальной статье, посвященной раннесредневековым терракотам, отмечая этот круг находок, не пытается определить их практические функции²¹. Л. И. Ремпель считает «заслонки» одним из атрибутов алтаря огня²².

С нашей точки зрения, назначение заслонок было весьма прозаическим — они служили именно как таковые, чтобы закрывать проемы стеновых очагов типа пенджикентских «каминов» (как закрывают устье русской печи). Таким способом можно было сохранять жар угля, горячую пищу в котле или воду в кувшине.

Один из каминов Пенджикента с правильным овалом миниатюрной ниши имел вмазанную в стену керамическую оболочку.

Более изысканную форму очагов представляют ниши-алтари, известные в древнем Пенджикенте, Хорезме и на зарубежном Востоке²³. Алтари образуют особую группу. Алтари, как и очаги производственного назначения (напр., для выплавки стекла), составляют специальный предмет изучения и в данную статью не включены.

Описанные типы очагов в основном связаны с приготовлением пищи. Очаги-ниши располагаются поэтому преимущественно в долуне (передней) или во всяком случае у входа в жилую секцию. Для обогрева помещения в более точном смысле служили площадки, куда насыпался уголь. Но надо заметить, что чаще всего в помещениях, которые, очевидно, были жилыми, нет ни очагов, ни следов огня. Следует ли из этого, что они совершенно не обогревались тем или иным способом? По-видимому, с этой целью широко пользовались переносными жаровнями — может быть, просто глиняными корчагами или сосудами с горячим углем. Действительно, в Шахристане найдены обломки переносных керамических очажков²⁴.

²⁰ Н. Н. Негматов, О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г., «Труды АН ТаджССР», т. 91, Сталинабад, 1959, стр. 120—121.

²¹ Г. А. Пугаченкова, Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, «Труды Института истории и археологии АН УзССР», т. II, Ташкент, 1950, стр. 13.

²² Л. И. Ремпель, Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба, «Доклады АН ТаджССР», вып. 9, Сталинабад, 1953, стр. 27, 28, рис. 3.

²³ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, 1948, «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. VI, № 3, 1949, стр. 258—260, рис. 14; Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская, Городище Гяур-кала, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, стр. 358, рис. 7, 8; С. R. Ghirshman, Begram. Le Saige, 1946, рис. 16, 17 и др.

²⁴ Н. Н. Негматов, О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1917 г., стр. 102.

Вместе с тем можно указать пример капитального устройства — своего рода центральной системы отопления. В усадьбе VIII в. под Самаркандом были предположительно две отопительные камеры, выходявшие топкой на фасад здания, от которых нагретый воздух распространялся по комнатам через те же щели, которые служили в летнее время для вентиляции (см. выше)²⁵. Несколько позже, с X—XI вв. появляется в восточных районах Средней Азии система канов — проведенных под лежанкой жаровых каналов²⁶. В Хорезме зарегистрировано применение канов уже в послемонгольский период (XV—XVII вв.)²⁷.

К разряду чисто хозяйственных относятся очаги в виде опрокинутых вниз горловиной хумов. Такие очаги наподобие современных «тануров» или «тандыров» служили для выпечки хлеба — пресных лепешек. Корчаги замуровывались в пол или обкладывались сырцом.

«Тандыры» представляют широко распространенное в археологии Средней Азии явление. Они обнаружены в раннесредневековых постройках городищ Семиречья и Варахши²⁸; в пенджикентской цитадели на Ак-тепе близ Ташкента, в Тешик-кала из них составлялись целые пекарни. В Хорезме, по наблюдениям С. П. Толстова, тандыры-корчаги характерны для построек VIII—IX вв., тогда как в более ранних встречаются главным образом тандыры, выдолбленные в полу и стенах с обложенной черепками горловиной и обмазанными глиной стенками. При этом тандыры устраивались в жилых помещениях²⁹. В описании строительных остатков Куня-уаз упоминаются врытые в пол ульевидные печи³⁰. Заделанные в суфу тандыры городища Баба-Ата X—XII вв. декорированы по фасаду узорными керамическими плитами (интересно при этом, что упомянутая система канов берет начало от тандыров, которые в момент выпечки хлеба отключались от жаровых каналов)³¹. На городище Кампыр-тепе в Гиссарской долине найдена даже переносная хлебная печь со съемным дном и поддувалом высотой около 70 см (X—XII вв.)³².

Многие формы очагов бытуют с глубокой древности. Распространенным и очень древним типом являются очаги-площадки. Квадратные очаги-площадки с ямкой посередине в раскопках Тепе Хиссар близ Дамгана относятся к II—III тысячелетиям до н. э.; ставились они по диагонали к стенам помещения³³. Тандыры и комбинация очага с жаровней для угля применялись уже в неолитических поселениях юга Туркмении³⁴.

²⁵ Г. В. Шишкина, Указ. раб., стр. 196 и сл.

²⁶ Е. И. Агеева, Памятники средневековья, «Труды АН КазССР», т. 14, Алма-Ата, 1962, стр. 158, 171; Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина, МИА, № 14, 1950, стр. 39.

²⁷ Н. Н. Вактурская, Раскопки городища Ургенч в 1952 г., «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 2, М., 1958, стр. 476, рис. 3; Г. А. Федоров-Давыдов, Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Ташкала в Ургенче, там же, стр. 509, рис. 3.

²⁸ Чуйская долина, МИА, № 14, стр. 52; С. К. Кабанов, Раскопки жилого квартала X в. в западной части городища Варахша, «Труды Института истории и археологии АН УзССР», вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 105.

²⁹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 108.

³⁰ Е. Е. Неразик, Указ. раб., стр. 379.

³¹ Е. И. Агеева, Указ. раб., стр. 151, 152, 158, 161.

³² Е. А. Давидович, О работе Гиссарского отряда в 1955 г., «Труды АН Тадж. ССР», т. 42, Сталинабад, 1956, стр. 78, рис. 2 (1). Работами 1963 г. в Пенджикенте обнаружены железоделательные мастерские, где печи типа тонура, видимо, служили производственным целям.

³³ E. Schmidt, Excavations at Tepe Hissar. Damghan, Philadelphia, 1937, стр. 107, 156 и др.

³⁴ В. М. Массон, Древние земледельцы на юге Туркменистана, Ашхабад, 1959, стр. 7; его же, Древнеземледельческие поселения Маргианы, МИА, № 73, 1959, стр. 15—17.

С другой стороны, древние формы очагов нередко доживают без изменений до наших дней.

Очагами открытого типа пользуются в курном жилище Хорезма. В комнате хивинского дома находится «чучак» для варки пищи, а перед ним — небольшая прямоугольная или овальная площадка «тандырча», вокруг которой греются, выгребая из очага угли; иногда на ней разводят огонь для кипячения чая. Древние очаги-площадки по формам являются прототипом «тандырча», которую особенно напоминает площадка с очагом городища Кахкаха II.

На Памире и в Припамирье известна иная форма открытого очага, «чалак» — обнесенное бортиком прямоугольное углубление в полу, где раскладывается костер. Вокруг таких очагов собирались посетители «алоу-хона», они устраивались и в приемной комнате дома (кушхана, мехмонхона). Раннесредневековые очаги-площадки с бортиком похожи на них.

Современные широко распространенные в Средней Азии «сандали» внушают мысль, что их предтечей были напольные очаги-ямки средневекового Хорезма, — вероятно, над такой наполненной углем ямкой ставился накрытый одеялом столик.

Пристенные очаги-жаровни типа шахристанской до последнего времени бытовали в Матче.

Очаги-ниши, несомненно, являются прообразом каминов, которые составляют необходимую принадлежность жилища Ферганы, долины Зеравшана и привились отчасти в других районах (например, в худжрах хивинских медресе³⁵). Можно встретить и очажную нишу без дымохода (рис. 5).

Что касается хлебной печи, современный «танур» или «тандыр», как и прежде, имеет вид корчаги, но специально изготавливаемой и несколько иной формы, которая продается необожженной и обжигается уже в процессе выпечки хлеба. В нижнем крае корчаги оставляется иногда выем для тяги, который сообразно с обстоятельствами служит поддувалом или дымоходом. Будучи установлен на место, танур обкладывается сырцом и обмазывается глиной с саманом³⁶. Корчага современного танура чаще помещается горизонтально (рис. 5) или наклонно; однако в некоторых районах она, как и прежде, занимает вертикальное положение. У семиреченских уйгуров танур ставится вертикально, возвышаясь над полом в виде усеченного конуса³⁷. Близкую аналогию древнему типу хлебной печи представляют кулябские «чагдон» и ягнобские «инкир». Чагдон, вмазанный вертикально в пол или суфу жилого помещения или айвана, снабжен подающим воздух каналом, берущим начало у проема комнаты или у фасада айвана, проложенным под полом. Жерло чагодона прикрывается круглой крышкой.

Санитарные устройства. Непременную принадлежность народного жилища узбеков и таджиков составляет водослив — «абриз» или «ташнау» у входа в дом или во дворе. Это поглощающий колодец, покрытый досками или каменной плитой с отверстием.

³⁵ Остается невыясненным, когда появился стеновой дымоход. С. П. Толстов упоминает «очаги с дымоходом и поддувалом» на городище Алтын Асар, однако без чертежа устройство их остается неясным. См. С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 2, стр. 240.

³⁶ Е. М. Пещерова, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 257.

³⁷ И. В. Захарова, Материальная культура уйгуров Советского Союза, «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. II, М., 1959, стр. 279.

В постройках Варахши обнаружено три десятка ташнау, устройство которых отличается от современных. Это сооружение местной канализации состояло из трех частей: выложенного обожженным кирпичом коллектора в форме ящика, отвода из керамических труб «кубуров» и поглощающего колодца, для которого использовались негодные хумы и другие крупные сосуды. Один из варахшинских ташнау датирован VIII в., но большинство их относится к X в.³⁸ Смысл опрокинутых со-

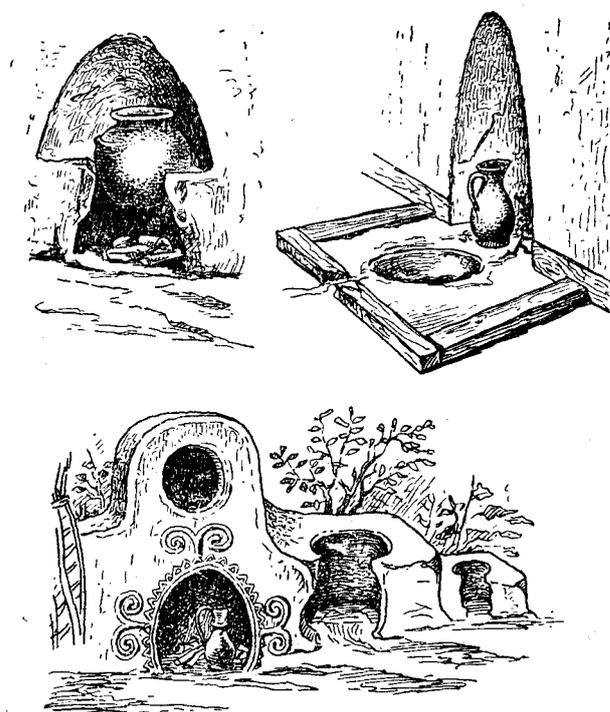

Рис. 5. Современные очаги; слева сверху — очаг-ниша на айване дома сел. Лянгар в районе Куляба; справа сверху — очаг в сел. Фараб: ниша и площадка для угля с вмазанным в пол чугунным котлом; внизу — танур и очаги дома в колхозе близ Душанбе. Таджикистан

судов заключается в том, что они закрепляют стенки колодца, не мешая сточной жидкости просачиваться в почву через зазоры между сосудами. Варахшинские ташнау находят близкое подобие в поглощающих колодцах Таксилы³⁹.

Можно предполагать, что в комнатах устраивались иногда миниатюрные коллекторы в виде ямки или горшка, заполненных мелким гравием, которые было легко время от времени очищать.

Поглощающих колодцев типа бадрабов для VII—VIII вв. не обнаружено. Однако не следует делать вывод, что состояние жилища и города в целом было антисанитарным. Отсутствие подобных устройств обычно и для некоторых городов XIX—XX вв., как Хива.

³⁸ С. К. Кабанов, Указ. раб., стр. 102, сл.

³⁹ J. Marshall, Taxila, т. 1, Cambridge, 1951, стр. 94.

Обстановка интерьера. Если описанные детали сближают раннесредневековое жилище с типом среднеазиатского жилья XIX—XX вв., то в отношении интерьера в целом прямых параллелей провести нельзя. Основной принцип группировки помещений в обоих случаях совершенно противоположен: прежде — компактный слитный массив с помещениями внутри корпуса, теперь — периметральное однорядное расположение комнат вокруг двора и соединение их торцами. Планировка уже сама по себе определяет различный характер интерьера. В первом этаже раннесредневековых жилых зданий нет проемов со ставнями, сводчатые покрытия и связанные с этим вытянутые пропорции тоже отличали жилые помещения от современного типа.

Существенное отличие составляет в раннесредневековом жилище малое количество ниш, столь обильных в современных домах узбеков и таджиков. Небольшое число ниш раннесредневековых построек в какой-то мере объясняется конструкцией стен из пахсы и сырца: ведь и в современном жилье членение стен на ниши и полочки свойственно главным образом для фахверковой конструкции.

В современном жилище узбеков и таджиков комнаты не проходные. Пол за исключением выделенного у входа пониженного квадрата (или полосы), где помещается абриз, представляет ровную поверхность и рассматривается как чистое пространство, куда не ступают в обуви⁴⁰. Это как бы сплошная суфа. В раннесредневековых постройках как в первом, так и во втором этаже, суфы тянулись неширокой полосой вдоль стен. Высота суфы в общем не превышает 40—50 см. Если она высока, ее верхний край немного выступает, чтобы удобнее было сидеть. В жилых комнатах иногда устроена рядом с суфой площадка наподобие стола. Как отмечено выше, таким столом отчасти служила и актепинская площадка-очаг.

В парадных залах против двери находилось почетное место — вроде шахнишина современных домов, выделенное расширением суфы или нишей (рис. 6). В таких залах были собраны живопись, скульптура, резьба по дереву (на них мы в данном случае не можем останавливаться).

О домашней утвари тех отдаленных веков дают понятие отчасти вещественные находки, отчасти настенная живопись. В быту играли первостепенную роль, разумеется, мягкие постельные принадлежности и ковры. Ковры фигурируют в сценах различного содержания пянджикентской живописи. Представители знати часто изображены сидящими на коврах со скрещенными ногами, занятые беседой и трапезой. Ковры постилались на суфе или на «тахте», как можно условно назвать дощатое сидение типа современных «кат» или «суры». Такие дощатые площадки на четырех ножках, обнесенные с трех сторон невысоким бортом, составляют неизбежную принадлежность таджикского и узбекского народного жилища. Они устанавливаются на айване или в саду и служат местом отдыха, сна и еды, вмещая до четырех-пяти человек. О существовании прототипа суры и ката в VIII в. заставляет предполагать наличие подобных изображений в живописи Варахши и Пенджикента. Кроме того, пенджикентское обугленное дерево содержит остатки мебели, очевидно, части такого «тахта», который ставился в залах и на айване.

Для раннесредневекового инвентаря характерны трехногие алебастровые столики, известные в археологии над именем «достарханов». Поперечник столика около 60 см, высота — до 20 см. Поверхность всегда

⁴⁰ Интерьер высокогорных типов жилья с их высокой суфой носит иной характер

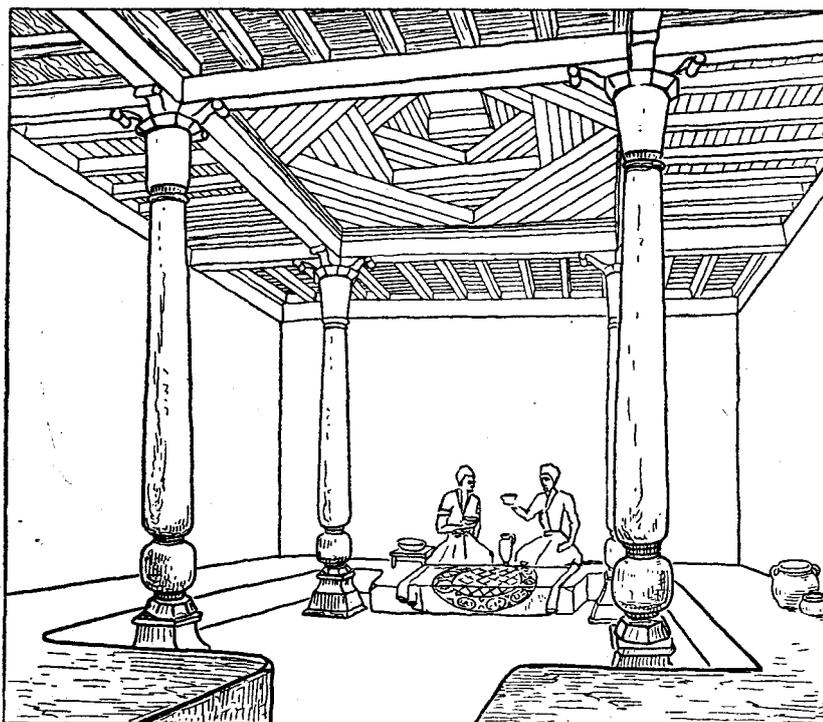

Рис. 6. Парадный зал жилого дома древнего Пенджикента; реконструкция автора

гладкая, тогда как внизу иногда нанесен примитивный орнамент⁴¹. В Семиречье найдены несколько достарханов из обожженной глины с круглой чашевидной подставкой⁴². Несложная, но обильная орнаментация этих достарханов со стороны донца, где ее, казалось бы, не должно быть видно, вызывает некоторое недоумение и приводит к мысли, что эти предметы использовались хотя бы отчасти в роли своеобразного комбинированного с чашей блюда. Вероятно, употреблялись также и квадратные деревянные столики, наподобие того, который изображен с фруктами в живописи Пенджикента⁴³.

Керамический инвентарь — горшки, миски, кружки и кувшины попадаются в различных помещениях на суфе и на полу. Кое-где на суфе видны неглубокие ямки, куда, вероятно, ставились сосуды с водой. Изредка в стене вырезана маленькая нишка для светильника.

* * *

При сопоставлении раннесредневекового и современного народного жилища очевидны коренные различия в конструкции и планировке. В задачи предлагаемой статьи не входит анализ социальных причин, вызвавших на протяжении столетий глубокие изменения в формах жилища. Нас интересуют в данном случае условия обитания.

⁴¹ Любопытный пережиток достархана представляет круглый деревянный столик в юрте каракалпаков; см. Т. А. Жданко, Каракалпаки Хорезмского оазиса, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 1, М., 1952, рис. 22 (4).

⁴² Чуйская долина, табл. XXI—XXIV.

⁴³ Живопись древнего Пенджикента, М., 1954, табл. VII, X.

Первостепенное значение в этом смысле получает микроклимат жилища, являющийся результатом умелого применения к особенностям местного климата. Расположенные вокруг двора постройки народного жилища, свободно открытые во двор или в сад проемами лицевого фасада, образуют среди жарких улиц ячейку микроклимата с более прохладным и влажным воздухом. Приспособление к сезонным колебаниям температуры выразилось в разделении жилых комнат на зимние, окнами на юг, и обращенные к северу более высокие и просторные — летние. На первый взгляд эта организация создает для жильцов неизмеримо лучшие условия обитания, чем были в VII—VIII вв. Но такое заключение далеко от истины. Не надо забывать, что легкий второй этаж раннесредневековых построек давал возможность установить ту связь с внешним пространством, которая осуществляется теперь в первом этаже, и сезонное использование помещений, очевидно, тоже было связано с двухэтажной структурой дома.

В странах с сухим и жарким климатом в СССР и за рубежом на основании новейших исследований установлен ряд положений, которые применяются при проектировании зданий. Для этого климата, характеризующегося большими годовыми и суточными колебаниями температуры, рекомендуются массивные конструкции малой теплопроводности, небольшие проемы, максимальная изоляция от внешней среды в жаркие часы летнего дня. Установлено, кроме того, что оптимальные условия помещений для летнего дня те же, что для зимней ночи. Иными словами, в том и другом случае лучше всего служат хорошо изолированные помещения с массивными стенами. Учитывая сказанное, следует признать, что первый этаж раннесредневековых жилых зданий представлял идеальное убежище в знойные летние полуденные часы, тогда как для сна, безусловно, использовались плоские кровли и портики верхнего этажа. Вот почему в городском доме второй этаж играл такую большую роль (как можно судить по бесчисленным лестничным клеткам древнего Пенджикента). Зимой оптимальные условия предоставлял опять-таки первый этаж.

Таким образом, раннесредневековые жилые здания были неплохо приспособлены к условиям климата, а в отношении оборудования стояли примерно на одном уровне с народным жилищем Средней Азии XIX — начала XX вв.

SUMMARY

Excavations in Soviet Central Asia conducted in recent years have not only shed light on the planning of early-medieval dwellings but have also enriched our knowledge of the everyday life of their inhabitants. The article describes the early medieval dwellings the means of lighting and heating employed, their furnishings and utensils, etc. The author arrives at the conclusion that early medieval dwellings were rather well suited to the prevailing climatic conditions.